

Т. С. Злотникова, Л. П. Киященко, М. В. Новиков

Текст и контекст массовой культуры: российский дискурс

Грант РФФ № 14–18–01833

В статье представлено обоснование концепции, положенной в основу коллективной работы по гранту Российского научного фонда. Впервые поставлена и обоснована научная проблема: изучение массовой культуры не просто как теоретического концепта, но как историко-типологического феномена. Российский дискурс массовой культуры изучается впервые применительно к специфическому хронотопу. Решение проблемы связано с актуализацией специфического, российского, дискурса и формированием научно обоснованного представления о тексте массовой культуры в России как продукте деятельности влиятельных в социуме творческих личностей, как действенном феномене, обладающем в равной степени позитивным и негативным модусами социально-нравственного и эстетического воздействия. Личность человека российской культуры изучается в масштабе малых групп, в которых живет современный российский гражданин: семья, учебная группа, трудовой коллектив; в масштабе региона как неомогенной, но и не враждебной по отношению к личности среды; в масштабе России, где массовая культура а priori существует, где необходимы регулятивные действия научного сообщества и лидеров для воплощения позитивных и нейтрализации негативных импульсов массовой культуры.

Ключевые слова: российский дискурс, массовая культура, текст, контекст, глобальный, региональный, творческая личность, образование, среда, архетип, классика, междисциплинарность.

T. S. Zlotnikova, L. P. Kijashchenko, M. V. Novikov

Text and Context of Popular Culture: Russian Discourse

The article presents the rationale for the concept behind the collective work on the grant of the Russian Science Foundation. For the first time was put forward and substantiated the scientific issue: the study of popular culture not simply as a theoretical concept, but as a historical and typological phenomenon. The Russian discourse of popular culture is studied for the first time in relation to the specific chronotope. The solution to the problems associated with actualization of specific Russian discourse and formation of scientific ideas about the text of popular culture in Russia. We are talking about the product activity of influential in the society creative individuals as an effective phenomenon, has equally positive and negative modes of the socio-moral and aesthetic impact. The personality of Russian culture studied at the scale of small groups, in which the lives of modern Russian citizen, family, school group, or workforce; in the region as heterogeneous, but not hostile to the personality of the environment; in Russia, where popular culture is a priori existing, where the necessary regulatory steps of the scientific community and leaders to embody positive and neutralize the negative pulses of mass culture.

Keywords: Russian discourse, popular culture, text, context, global, regional, a creative personality, education, environment, an archetype, classic, interdisciplinarity.

Научная проблема исследования обусловлена академической и общественно значимой необходимостью перенести акцент в исследовании чрезвычайно актуальной и неоднозначно воспринимаемой в современном мире массовой культуры, во-первых, из международной сферы – в Россию; во-вторых, с социального уровня на личностный.

Развитие отечественных гуманитарных наук в постсоветский период, при всей широте возможностей освоения мирового интеллектуального опыта и отсутствии идеологических барьеров, получило, взамен прежней ангажированности, импульс «антиангажированности». Последняя проявляется в том, что предмет все более активного интереса и анализа отечественных ученых является существенный по своему объему

корпус теоретико-методологических исследований, принадлежащих зарубежным ученым; в то же время отечественный культурный опыт, реалии культурной динамики, парадоксы культуры России привлекаются в число обсуждаемых лишь в качестве примеров, иллюстраций и локальных образцов. Обилие научных и публицистических сочинений, в названиях которых присутствуют слова «массовая культура», отражает неоспоримый факт значимости данного явления для исследователей. Однако это обилие сочинений лишь подчеркивает все увеличивающийся разрыв между объемами теоретико-методологических и историко-теоретических штудий, связанных с *понятием* массовой культуры, и чрезвычайно объемным пластом *явлений, событий, произведений, человеческих судеб, социокультурных интенций*, которые существуют в современной России, имеют глубокие корни в истории отечественной культуры и до сих пор не стали объектом целостного системного анализа их во всей конкретности и многообразии. Проблема, присутствующая как «массовая культура» в сотнях исследований, поворачивается принципиально новой гранью: оригинальная и впервые поставленная в предлагаемом проекте проблема связана со специфическим и принципиально значимым российским дискурсом, который является основанием изучения массовой культуры. Более того, в проекте предполагается сосредоточиться не на дефинировании либо уточнении понятийного аппарата, а на изучении разнообразных текстов отечественной массовой культуры, выявлении контекстуальных связей феноменов, артефактов в их вертикальном и горизонтальном соотношении. То есть в итоге решением проблемы исследования станет актуализация специфического, российского, дискурса и формирование научно обоснованного представления о тексте массовой культуры в России как продукте деятельности влиятельных в социуме творческих личностей, как действенном феномене, обладающем в равной степени позитивным и негативным модусами социально-нравственного и эстетического воздействия.

Актуальность проблемы и ее научная значимость существуют для следующих групп:

– Для всего населения России, испытывающего разнообразные по эстетической и дидактической направленности влияния со стороны массовой культуры, нуждающегося в приобщении к массовой культуре как среде конформности, но испытывающего традиционно сформированное в

отечественной традиции предубеждение к массовой культуре как второстепенной, недостойной внимания интеллектуалов и несущей в себе опасные тенденции агрессии и упрощения.

– Для молодежи, поскольку ее жизнь в полной мере погружена в сферу массовой культуры, испытывает влияние и, в свою очередь, детерминирует дальнейшее развитие массовой культуры.

– Для всех, кто работает с молодежью (необходимость понять, если не принять, круг интересов и проблем этой социально-демографической группы, интегрироваться в эту группу и способствовать интеграции ее в уже «обжитый» старшими поколениями мир).

– Для современного социума в глобализирующемся мире, где насущным является осознание личностью лидерской позиции, умение критически мыслить, независимо от внешних импульсов формировать жизненные стратегии, учитывающие опыт множества других людей (социокультурная интроверсия как парадигма личности).

– Для жителей России в целом и российской провинции в частности, по инерции ощущающих себя на периферии мировых культурных процессов и потому стремящихся приобщиться к этим процессам скорейшим, простейшим, «маскуловским» способом (социокультурная экстраверсия как парадигма групповой деятельности).

Научная значимость результатов определяется формированием междисциплинарно фундаментального российского дискурса массовой культуры в сочетании ее глобального контекста и локального (регионального, личного) текста, имеющего широкий спектр эстетических и социально-нравственных признаков, архетипических структур. Отсутствие прецедентов изучения массовой культуры именно применительно к России в системной целостности явлений, феноменов, артефактов позволяет вывести данное исследование на мировой уровень; учет имеющейся в мире и в России традиции изучения массовой культуры как теоретической проблемы или как совокупности отдельных феноменов придаст данному проекту оригинальность и целостность, связанные с комплексным подходом к своему рода бинарной оппозиции «массовая культура» – «Россия». Отсюда вытекает также **общественная значимость** проекта, который будет способствовать саморефлексии российского населения (в том числе – в провинции), контекстуально уже интегрированного в массовую культуру и имеющего возможность получить с помощью пред-

ставленных аналитических материалов новый импульс к освоению множества текстов массовой культуры на основе минимизации негативных (в социально-психологическом и эстетическом планах) воздействий, свойственных соответствующим феноменам.

Конкретная задача проекта и ее масштаб.

Задача проекта – выработка системных представлений о специфическом тексте и универсальном контексте массовой культуры в ходе осуществления дискурса, определяемого как «русский», с применением междисциплинарной методологии и на основе углубленного эмпирического анализа значительного корпуса материалов.

Масштаб задачи, который обычно не обсуждается авторами работ, мы определили в соответствии с требованиями конкурса и считаем, что этот масштаб определяется осуществлением русского дискурса явления, имеющего глобальное распространение и межнациональные корни, – массовой культуры. При условии углубления в изучение значительного количества сугубо русских явлений и феноменов, с опорой на значительный эмпирический и теоретический опыт разных стран, масштаб задачи может быть определен как значительный (глобальный). Масштаб соизмерим с 4 сферами, применительно к которым будет произведено исследование и в развитие которых впоследствии будут внедрены полученные результаты: это, прежде всего, масштаб человеческой личности – наиболее крупный, как это ни покажется парадоксальным, ибо на духовно комфортную жизненную позицию и деятельность можно обратить внимание на основе предпринятых исследований; это, далее, масштаб малых групп, в которых живет современный русский гражданин: семья, учебная группа, трудовой коллектив; это, еще далее, масштаб региона как негетерогенной, но и не враждебной по отношению к личности среды; это, наконец, масштаб России, где массовая культура а priori существует, где необходимы регулятивные действия научного сообщества и лидеров для воплощения позитивных и нейтрализации негативных импульсов массовой культуры.

Научная новизна связана с тем, что вне России в принципе не рефлексирован опыт России ни в плане формирования системы продуцирования, ни в плане функционирования массового сознания и артефактов как основы присутствия в социуме массовой культуры.

Новизна подхода обусловлена тем, что будет учтен мировой опыт изучения массовой культуры, где отсутствует аксиологическая тенденциозность, а также нет необходимости преодолевать прежнюю идеологическую ограниченность. Новизна подхода к массовой культуре связана с выявлением ее особенностей и как сферы агрессивности и «атомизации», и как сферы толерантности и конформности. *Новизна проекта* обусловливается применением междисциплинарной методологии к выявлению 2 групп кодов:

– универсальных, характеризующих мировой опыт и экстраполируемых в Россию (трансформирующихся в ней);

– специфических, сформированных или выявленных именно в России в связи с особенностями ее культурной истории, ментальных, аксиологических, социально-психологических, эстетических особенностей.

Новизна проекта связана также с органичным сочетанием социоцентрического и гомоцентрического подходов к изучению массовой культуры, которая понимается как сфера бытия и самореализации, бессознательных интенций и осознанных действий личности. При этом личность в сфере массовой культуры, в свою очередь, осмысливается не только как объект воздействия, но и как субъект деятельности и восприятия. Такой подход к проблеме должен обеспечить существенный воспитательный эффект работы, по ходу которой предполагается осуществлять образовательные и просветительские акции, актуализирующие позитивный потенциал, присущий массовой культуре. Новизна проекта связана с акцентом на изучении некоторых важнейших сфер социума, обычно отсутствующих в корпусе активно изучаемого материала: сферы образования (где имплицитно происходит легитимизация социокультурных и социопсихологических, а также социально-экономических установок и принципов), сферы религиозной жизни (где активно применяются характерные для массовой культуры приемы коммуникации, эстетического и психологического воздействия).

Новизна определяется изучением текста личности, действующей в конкретном контексте, сознательно или бессознательно, в силу национально-ментальных и социально-демографических характеристик, сформированной под влиянием определенных образовательных и религиозных принципов. Так, предполагается актуализировать особенности бытия в горизонте массовой культуры представителей раз-

личных социально-демографических групп: не только традиционно изучаемой молодежи, но людей преклонного возраста, весьма подверженных влиянию массовой культуры, но при этом агрессивны настроенных по отношению к ней; имеющих специфику вхождения и отторжения от массовой культуры представителей различных в гендерном отношении групп; влияние массовой культуры на социально-профессиональное становление и развитие личности современного россиянина.

Новизна проекта связана также с работой по концептуализации ряда клише, характеризующих взаимоотношения творца и публики в сфере массовой культуры («рынок», «популярность», «успех», «слава», «всеядность», «привычка», «звезда»). Новизна проявится в сочетании системно организованного на основе междисциплинарных методологических подходов анализа значительного корпуса эмпирического материала, характеризующего присутствие текста массовой культуры в контексте России, и проведения пилотных социокультурных опросов, направленных на поддержку и подтверждение выработанных коллективом теоретических представлений. Новизной отличается авторский подход участников проекта, проявленный в формировании трехкомпонентного научного кластера, о котором будет сказано ниже.

Тенденции изучения, присутствующие и в мировой, и российской науке, с нашей точки зрения имеют несколько векторов:

– Опора на традиции выявления особенностей массовой культуры в социально-философском (А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет, Т. Адорно), социально-психологическом (Г. Лебон, З. Фрейд, К. Юнг), социокультурном (от А. Моля до Э. Аронсона) аспектах.

– Поиск методологических подходов к массовой культуре в дискурсе отдельных научных дисциплин (в частности, в дискурсе семиотики – у Р. Барта, У. Эко, в дискурсе философии культуры – у П. Гуревича, А. Флиера, Е. Шапинской).

– Наиболее известный и распространенный во всем мире вектор – теория и критика отдельных сфер массовой культуры (кино, медиа, повседневность, спорт, вплоть до выполненных в последнее 10-летие работ, касающихся таких малоизученных и при этом принципиально значимых в системе представлений о массовой культуре явлений, как эстрада – С. Клитин, мода – А. Конева).

– Следует обозначить и важную, с нашей точки зрения, имплицитно присутствующую, но явно не отрефлексированную в достаточном объеме тенденцию изучения массовой культуры как инварианта по отношению к советской культуре (хотя для этого складывались определенные предпосылки в работах разных исследователей, начиная с работ А. Сохора о массовой песне или Р. Юренева о кинокомедии и заканчивая «перестроечной» научной публицистикой М. Капустина, «Однополушарное мышление» или А. Вайля – А. Гениса, «Вавилонская башня»).

– Для изучения массовой культуры в России, очевидно, в силу своего рода неловкости, испытываемой отечественными исследователями по поводу обращения к «низкому» пласту культуры, что вызывало и вызывает в научной среде критику не столько самих явлений культуры, сколько тех, кто «смеет» заниматься ее феноменами, – установилась тенденция обозначения оппозиции «элитарная культура» – «массовая культура» (Л. Столович, Л. Ионин, В. Руднев), что ведет к ограничению проблемного поля исследования.

Значимой для развития научных штудий о массовой культуре является заметная в России тенденция создания учебных изданий, немногочисленных, если иметь в виду высокий теоретико-методологический уровень, но специально посвященных этой проблеме (коллектив авторов, включая Н. И. Киященко, Т. Ф. Кузнецову, В. И. Самохвалову, авторские издания К. З. Акopiana, Т. А. Дьяковой) либо включающих соответствующие разделы (П. С. Гуревич, Т. С. Злотникова).

За рубежом в последние десятилетия говорят скорее о культуре массового общества, информационного общества, позднее – пост- и постпостиндустриального общества, культуре постмодерна. Массовая культура в этом случае присутствует как элемент социума XX в., причем элемент, технократически детерминированный и покрывающий своим воздействием континенты в целом, будь то Америка или Европа (Э. Тоффлер, Дж. К. Гэлбрейт, Д. Белл, J. Bignell, 2000, коллективное издание «Pop Culture versus real America», 2010). В то же время в мировой научной среде по-прежнему актуальными остаются усилия по дефинированию массовой культуры и выяснению ее системных признаков, но не конкретных произведений и явлений (будь то пяти-томное энциклопедическое издание T. Pendergast, S. Pendergast, 1999, многократное переиздание теоретического сочинения по про-

блеме массовой культуры J. Storey, 2009 – пятое издание, или локальная статья Н. N. Parker, 2011, посвященная собственно дефиниции "popular culture"). Если же привлекает внимание конкретная сфера культуры, то таковой, главным образом, является сфера СМИ и/или медиа – работы, посвященные информационным войнам, особенно в период 1960–1990 гг. (G. J. Stein, G. Seldes), либо – гендерная в целом и, в значительной степени, гомоэротическая проблематика, рассматриваемая на грани психоаналитических и культурно-антропологических идей (в традиции Ж. Лакана, например, L. Prono, 2007).

В России же проблема и идея массовой культуры претерпела эволюцию от категоричного, идеологически детерминированного негатива (работы А. Кукаркина, К. Разлогова – 1960–1970-е гг., В. Шестакова – 1980-е гг.) до аналитической модальности в ее понимании (коллективные и индивидуальные публикации, включающие работы Н. Хренова, И. Кондакова, К. Соколова, А. Костиной). Следует отметить, что «предвестие» представлений о массовой культуре с присущими ей чертами «опрокидывания» ценностей, присутствовавшее в работах Н. Бердяева («Кризис культуры», 1917) или В. Розанова («Среди художников», 1914), существенно повлияло на последующее развитие научного знания об этой проблеме в России. Для отечественного научного дискурса массовой культуры в целом характерной явилась система бинарных оппозиций в понимании проблемы, что было подчеркнуто названием одного из значимых недавних изданий, «Массовая культура и массовое искусство: «за» и «против» (руководитель проекта Н. Киященко, 2003). В числе актуализируемых в отечественной научной традиции, сложившейся в последние два десятилетия, – во-первых, социокультурная оппозиция по отношению к культуре элитарной; во-вторых, аксиологическая оппозиция по отношению к классической (в широком смысле) культуре с присущим последней мощным нравственным посылом и размытостью либо конформностью нравственного посыла в массовой культуре. Следует также подчеркнуть, что существенные отличия в подходах к массовой культуре в мире и в России, имеющие место, но не актуализированные в научных исследованиях достаточно последовательно, инспирируют специфичность авторского подхода, который предлагается в настоящем проекте.

Необходимо отметить, что массовая культура и в мировой научной традиции, и в России принципиально связывается с представлениями о массовом обществе, таким образом, в изучении ее проблем и связей присутствует социальная национально-культурная детерминанта. Внимание же к личности – как создателя «продукта» массовой культуры, так и «потребителя» – пока не стало значимой и отчетливой тенденцией, как не получило последовательного развития объяснение социокультурных особенностей развития личности творца и реципиента в дискурсе массовой культуры.

Именно на восполнение этого существенного пробела в научном знании будет направлен данный проект, где социоцентричность изучения проблематики массовой культуры должна найти естественное продолжение в гомоцентричности.

Методы, на которые опирается заявленная в проекте *междисциплинарность*:

– Социокультурный и социопсихологический в их непосредственной взаимосвязи (для получения результатов при анализе личности творца и реципиента в сфере массовой культуры, для осуществления российского дискурса массовой культуры): *социокультурные теории* русских ученых (от Н. Данилевского, В. Богораз-Тана, П. Сорокина, Н. Бердяева до Ю. Лотмана, Л. Ионина, Ю. Фохт-Бабушкина, В. Петрова, Н. Хренова), необходимые для контекстуального изучения жизни современной России; *социопсихологические и социально-философские теории* массового сознания и коллективного бессознательного, личности как субъекта и объекта массового сознания, в том числе проблематика архетипов, лидерства и группового взаимодействия (Ф. Ницше, Х. Ортега-и-Гассет – философия, Г. Лебон, З. Фрейд, К.-Г. Юнг, Э. Берн, В. Франкл – отдельные аспекты психологии, североамериканская традиция социальной психологии – С. Московичи, Э. Аронсон, российские исследования психологов и нейрофизиологов – Л. Выготский, В. Бехтерев, П. Симонов).

– Функциональное использование *герменевтического, семиотического, синергетического* методов в анализе конкретных явлений и их групп (для актуализации дефиниций текста и контекста применительно к массовой культуре с учетом полемики в отношении природы и особенностей авторства в этой сфере): основания *герменевтического* учения о принципах толкования и интерпретации текстов культуры (Г.-Г. Гадамер, В. Дильтей, П. Рикер, Ф. Шлейермахер,

М. Бахтин, В. Библиер), интегративный характер герменевтики, ее непосредственное или косвенное взаимодействие с феноменологией (М. Хайдеггер), семиотикой, культурной антропологией, мифокритикой и другими научными дисциплинами, актуализируемыми в ходе герменевтического анализа культурных практик; *семиотические методы* позволяют ставить вопросы о соотношении глобальных тенденций в формировании значений национально-ментального пространства массовой культуры со специфическими кодами (традиции русской семиотики в ее жизнеустойчивых и смыслопорождающих аспектах – П. Флоренский, Ю. Лотман, А. Лосев, Г. Почепцов; культурный опыт эстетических и теоретико-критических штудий зарубежных исследователей – Р. Барт, У. Эко; отдельные аспекты визуализации культурного опыта – П. Пави, представления об иконичности, выступающей в современной культуре на первый план и оттесняющей более сложные для восприятия массовым сознанием конвенциональный и индексальный знаки); значимы идеи *синергетики*, направленные на углубление междисциплинарных взаимодействий, осуществление «парадигмальных прививок», позволяющих влиять на междисциплинарные механизмы интенсивного роста гуманитарного знания (В. Степин), учитывать общенаучные представления об «ответвлениях» (Б. Раушенбах), актуализировать плюралистичность научного дискурса, соответствующего плюралистичности интегрального образа мира (В. Аршинов), обратиться к идее становления для интерпретации происхождения различных форм из хаоса (И. Пригожин, И. Стенгерс), обрести эффективную методологическую основу для выработки нового понимания закономерностей культурных трансформаций и современных артефактов (М. Каган), актуализировать проблематику синергетического мышления применительно к междисциплинарной коммуникативной среде (Л. Киященко).

– *Эстетический анализ* содержательных и структурных элементов образных систем в интеграции с *искусствоведческими* методами, необходимыми для анализа явлений отдельных видов искусства (значительный опыт корифеев отечественного искусствоведения может быть применен для реализации алгоритма эмпирического изучения феноменов и артефактов массовой культуры в России).

Авторский подход участников проекта заключается в формировании *трехкомпонентного*

научного кластера (построение которого обосновано в предшествующих работах коллектива), включающего группы явлений, которые должны быть изучены последовательно (*в 2014 г. первая группа уже проанализирована, ей посвящен глоссарий, фрагменты которого публикуются далее, и ряд уже осуществленных публикаций с конкретным анализом отдельных кодов*).

Наиболее конкретный компонент – *коды* массовой культуры, характерные для явлений, артефактов и произведений массовой культуры в России и выявляемые в соответствии со спецификой российского дискурса: *текст, игра, рубежи, миф, архетип, имидж, образование* и другие, контекстуально связывающие данные понятия с *массовой культурой*. Второй компонент, более общий по охвату явлений, – *сферы присутствия* массовой культуры как локального/российского явления: *массовая культура и политика (эффект кино, эффект музыки), массовая культура и религиозная жизнь, массовая культура и образование/наука, массовая культура и классические художественные ценности (классический дискурс массовой культуры), массовая культура и литературный процесс/книгоиздание (особый смысл книжности в литературоцентричной по своим культурным ориентирам России), массовая культура и СМИ, массовая культура и интернет, массовая культура и повседневность, включая моду, массовая культура и провинциальная среда*. Третий, обобщающий, компонент – *уровни* массовой культуры как глобального явления:

– *массовая культура и социум (политика, религия, образование, искусство);*

– *массовая культура и личность (хронотоп, творец, реципиент, «продавец»-посредник, их социальные, психологические, философские, эстетические проявления, текст поведения, имя).*

Проект в контексте мирового научного и культурного опыта. Прямая конкуренция в изучении проблематики массовой культуры – применительно к широко понимаемому во времени и пространстве страны российскому опыту – отсутствует, во-первых, потому, что в мировой науке не представлено системное изучение явлений (феноменов, артефактов) массовой культуры, ибо отсутствует знание/понимание этого явления в его междисциплинарной системности. Более того, ряд явлений, принадлежащих, с точки зрения жителя России, к числу элитарных (литературные тексты классиков XX в. – как проживших жизнь в России, так и эмигрантов,

оперные спектакли, созданные на основе русской музыкальной классики, живопись русского авангарда, используемая в качестве декора посуды и принтов одежды и пр.), и в нашей стране, и за пределами России, *de facto* активно интегрируются в массовую культуру. Но происходит эта интеграция не на основе реализации научных теорий, а в ходе живой культурной практики.

Мировая конкуренция в изучении поставленной нами проблемы российского опыта в сфере массовой культуры отсутствует, во-вторых, еще и потому, что для иностранных исследователей в принципе не является ни очевидным, ни значимым выяснение вопроса о том, как и почему происходит «присвоение» явлений русской культуры иностранными «потребителями». Последние ни на эмпирическом, ни на научно-теоретическом уровне не актуализируют важнейшую процедуру «упрощения» явлений русской культуры, хотя именно эта процедура является одной из характерных для этой сферы культуры.

И в-третьих, за рубежом далеко не все явления культуры России, принадлежащие именно к массовой культуре, идентифицируются как таковые, что особенно явно заметно в работах, где проявлен интерес к советской культуре/культуре тоталитарного общества, однако она не идентифицирована именно как массовая культура. Привычное соотнесение *popular culture/folk culture* применительно к опыту разных стран существенно обедняет понимание различных аспектов массовой культуры в мире и в России, препятствуя значимым теоретическим обобщениям и закрывая путь к выяснению национально-ментальных черт массовой культуры. Сказанное позволяет утверждать, что постановка проблемы и предполагаемый механизм ее разрешения носят инновационный характер не только для российской, но и для мировой научной системы.